

5.6.4. Этнология, антропология и этнография
(исторические науки)

УДК 316.4

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-165-178

О. П. Слепухина

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
г. Санкт-Петербург

НОСТАЛЬГИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА И ФОРМИРОВАНИЕ «ЮЖНОЙ» ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ АДЕНА

СЛЕПУХИНА Ольга Павловна —

мл. науч. сотр.

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
(199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3).

E-mail: olslepukhina@gmail.com

Аннотация. Изменение политических настроений среди жителей бывшего Южного Йемена, увеличение количества призывов к независимости и переосмысление южной идентичности сопровождаются ростом ностальгии по прошлому. На материалах, собранных методами цифровой этнографии, в статье анализируется роль ностальгических процессов в конструировании локальных идентичностей у аденских пользователей социальных медиа. Ностальгические настроения в основном сосредоточены на времени британского присутствия (1839–1967) и существования Народной Демократической Республики Йемен (1967–1990). Через ностальгическую призму эти исторические периоды нередко воспринимаются аденцами одинаково и сливаются в один образ утраченной «Прекрасной Эпохи», а существовавшие тогда социополитические противоречия и экономические трудности подвергаются забвению. Образ утраченного и недостижимого прошлого становится пространством для конструирования южной идентичности в настоящем через сравнение аденцами своей нынешней реальности с ушедшими временами, уникализацию своего исторического опыта и противопоставление себя жителям Северного Йемена.

Ключевые слова: Йемен, Южная Аравия, Южный Йемен, идентичность, ностальгия, социальные медиа.

Для цитирования: Слепухина О. П. Ностальгия в социальных медиа и формирование «южной» идентичности жителей Адена // Ислам в современном мире. 2023; 3: 165–178;

DOI 10.22311/2074-1529-2023-19-3-165-178

Статья поступила в редакцию: 05.06.2023

Статья принята к публикации: 15.08.2023

Введение

На экране эмоционально и при этом комично спорят двое мужчин. Между ними стоит медицинская каталка, на которой лежит человек с закрытыми глазами. Один из спорящих наклоняется, чтобы послушать, бьется ли сердце у лежащего, затем восклицает: «Он умер!» [*walla innu māṭ*]. В ответ на это второй мужчина кричит: «Он не умер!» [*walla mā māṭ*]. Оба экспрессивно повторяют свои слова, при этом первый мужчина накрывает лежащего человека простыней, а второй отбрасывает ее, настаивая, что тот все еще жив. Один из пользователей *TikTok* дополнил это видео, обозначив всех его участников: настаивающий на летальном исходе получил подпись «южане», второй участник спора — «северяне», лежащий на каталке — «единство». Завершают авторскую интерпретацию видео подпись «Наша реальность» и смеющийся эмодзи.

Это описание одного из многочисленных *TikTok*-видео о политическом кризисе в Йеменской Республике, образованной 22 мая 1990 г. с объединением Народной Демократической республики Йемен (Южного Йемена, НДРЙ) и Йеменской Арабской Республики (Северного Йемена, ЙАР)¹.

В начале 1990-х гг. создание единой республики символизировало наступление новой эры политического процветания и разрушения старых колониальных границ, разделявших йеменскую нацию, которая является частью «древней истории Счастливой Аравии»². Жители обоих государств возлагали большие надежды на совместное будущее.

В учебнике по истории за 12-й класс, изданном в 2014 г. под эгидой Министерства образования Республики Йемен, говорится, что «Йеменское Единство успешно претворило в жизнь социальное, историческое

¹ Имя *TikTok*-аккаунта @hadd.yafa. На момент публикации статьи аккаунт удален, но видео сохранено автором статьи.

² Bismi-l-waḥda. Radd al-ḥukūma al-yamaniyya al-qāsi 'alā ihtijājāt al-hirāk al-janūbi. *Human Rights Watch*, December 2009. §. 10. [Electronic resource] // URL: https://www.hrw.org/sites/default/files/reports/southyemen1209arweb_1.pdf (accessed: 16.08.2023).

и географическое единство единого йеменского народа, родоначальника арабов»¹. Однако в действительности довольно скоро после объединения южане оказались разочарованы в этом политическом шаге: старые и новые партии вступили в борьбу за контроль над новым правительством, что стало причиной большого количества убийств среди партийного руководства. Большинство жертв были южанами, но виновные и мотив преступления часто оставались неизвестными². В это же время в Йемене активно росло присутствие исламистских групп: возвращались сотни йеменских муджахидов из Афганистана. Многие группы объявили войну против социалистов-вероотступников с Юга. Недовольство у населения Юга вызывали высокий уровень инфляции, неэффективное распределение бюджетных средств, централизация государственного аппарата в Санае и, как следствие, маргинализация южных административных органов³. Эти и другие факторы привели к Гражданской войне уже через 4 года — как оказалось, «два государства были слабо склеены, а не объединены»⁴, а последующие события лишь углубляли политический и социальный кризис.

Изменение политических настроений, увеличение количества призывов к независимости и укрепление южной идентичности сопровождаются ростом ностальгии по прошлому среди жителей бывшего Южного Йемена. Ностальгический дискурс пронизывает южнотийменские социальные медиа: эта тема не ограничивается аккаунтами и сообщениями, посвященными прошлому, регулярно появляясь на интернет-страницах любого типа.

В статье предпринимается попытка описать формы, которые принимает ностальгия, проанализировать основные ностальгические сюжеты и их значение для идентичности их носителей. Ностальгические настроения отмечали многие исследователи Южного Йемена⁵, но подробного анализа ностальгии по прошлому в социальных медиа не проводилось.

¹ Tarīkh al-‘ālam al-ḥadīth wa-l-mu‘aṣir. Li-ṣ-ṣaff ath-thālith ath-thānawī /D. ‘Abd al-Majīd Ghālib al-Makhlāfī ra’īsan. Sana‘a: Wizārat at-tarbīyya wa-t-ta’līm, 1435 h./2014 m. S. 93.

² Dahlgren S. The Southern Movement in Yemen // *Isim Review*. 22(1). 2008. Pp. 50–51.

³ *Ibid*, P. 50.

⁴ Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. Why Yemen Matters: A Society in Transition. Ed. by Helen Lackner. London: Saqi in Association with London Middle East Institute, SOAS and British-Yemeni Society. 2014. P. 136.

⁵ См. Dahlgren S. The Southern Movement in Yemen; Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity; Lackner H. South Yemen after the British. Britain’s Departure From Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster. Ed. by N. Brehony and C. Jones. Berlin: Gerlach Press, 2020. Pp. 185–200; Holt M. Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden // *Contemporary British History*. 2004. Vol.18. No. 4. Pp. 93–112; Davis K. A. From Collective Memory to Nationalism: Historical Remembrance in Aden. A Thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Arab Studies. Washington, DC April 31, 2014 (MS); Suvorov M. N. The Colony of Aden in Post-Colonial Yemeni Novel // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. Issue 1. Pp. 32–50, и др.

Основой для статьи стали материалы, собранные методами цифровой этнографии. В *TikTok* и *Facebook*¹ проводилось наблюдение за аденскими пользователями и, в случае со второй платформой, также осуществлялось включенное наблюдение за локальными сообществами (основные сообщества: *Bi-l-'adanī ahlā*; *Aden_Tgm3na* ('*adan tajma'una*); '*Ushshāq 'Adan li-z-zaman al-jamīl*; *Aden For Ever*; *aden* — '*adan* — *az-zaman al-jamīl* — *aden*; *Tarīkh 'adan min khilāl aṣ-ṣuwar Aden History in Photos, Aden Old Memories, Aden City*). Кроме того, использованы данные из других интернет-источников, например, отзывов в *Google-maps* о музеях и достопримечательностях Адена и окрестностей, а также материалы письменных опросов и полуструктурированных интервью с информантами из Адена².

Ностальгия и переосмысление истории

В своем известном труде о социологии ностальгии Ф. Дэвис утверждает, что ностальгические настроения вырастают из ощущения угрозы сохранению идентичности³.

Так, рост ностальгии на Юге Йемена часто связывают именно с неудовлетворенностью сегодняшним днем: после создания Йеменской Республики аденцы столкнулись с дискриминацией со стороны государства в различных сферах, от устройства на работу до вопросов владения собственностью⁴.

Арабистка Х. Лакнер пишет о том, что корни ностальгических настроений таятся в демографической ситуации: «Сегодняшнее политически активное поколение включает в себя горсть людей старше 50, которые застали время до ухода Британии, более солидное количество тех, кто жил во время режима НДРЙ, и преобладающее количество молодежи, которая видела лишь Йеменскую Республику во главе с Салехом и долгие годы войны. Как следствие, мифы о прошлом появляются в большом количестве и могут широко распространяться»⁵.

Безусловно, демографический состав оказывает значительное влияние на политические и социальные тенденции, однако ностальгические настроения могут набрать силу в самых разных обществах, в том числе там, где возрастная структура населения выглядит иначе. Подтверждение тому можно найти в большом количестве работ, исследующих

¹ Социальная сеть Facebook принадлежит компании Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

² Все цитаты из ПМА (полевых материалов автора) выделены курсивом.

³ Davis F. *Yearning for yesterday. A Sociology of Nostalgia*. New York: The Free Press, 1979, P. 107.

⁴ Davis K. A. *From Collective Memory to Nationalism: Historical Remembrance in Aden*. P. 71.

⁵ Lackner H. *South Yemen after the British*. P. 186.

феномен ностальгии, например, в Восточной Европе¹. Кроме того, активные участники сообществ, где вспоминают о прошлом Адена и Южной Аравии, — люди старше 40 лет.

И наоборот — не везде, где демографическая ситуация похожа на ту, что сложилась в Адене, мы сталкиваемся с ностальгическим переосмыслением истории. Йеменская журналистка Майса Шудджа' ад-Дин критикует обращение южан к недавнему прошлому в попытке обосновать состоятельность южной идентичности в противовес йеменской: «У южан не было необходимости прибегать к этим историческим спекуляциям, <...> так как у них много политических и юридических аргументов, которые свидетельствуют в их пользу <...>. Тем более что многие страны, такие как Южный Судан, требовали отделения, не пытались изобретать новые названия»².

Как уже упоминалось во введении, единая Йеменская Республика была образована в 1990 г., когда был подписан договор об объединении между Северным и Южным Йеменом, или, более официально, Йеменской Арабской Республикой и Народной Демократической Республикой Йемен.

НДРЙ просуществовала как единое государство всего 23 года, но в период с 1967 г. по 1990 г. его власти успели запомниться политическими репрессиями против бывших элит, внутривластной борьбой, которая иногда приводила к кровавым столкновениям, а также внешними конфликтами³. Однако в то же время молодое государство старалось развивать экономику и социальную сферу. Как отмечает британский востоковед Н. Бреони, «жителям Южного Йемена был предоставлен достойный уровень занятости, образования, здравоохранения и вспомогательных услуг, что посрамило колониальное пренебрежение, распространявшееся ранее на территории за пределами Адена. Этим услуг практически не существовало в ЙАР 1970-х годов. Теперь в обществе было прозрачное равенство; правительство гарантировало и рабочие места, и цены, а значит, и уровень жизни. <...> Любая коррупция была в ограниченных масштабах, при этом НДРЙ много сделала для расширения прав женщин с точки зрения образования, здравоохранения, голосования и работы»⁴.

До образований НДРЙ территории Южного Йемена представляли собой большое количество султанатов и эмиратов, находившихся

¹ Angé O., Berliner D. Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia. Introduction. *Anthropology and Nostalgia*. Ed. by Angé O.; Berliner D. New York, Oxford: Berghahn, 2015. P. 1.

² Shujjā' ad-Dīn Maysā'a. Taghyir al-huthiyyin manahij at-tarikh. [Electronic resource] // URL: <https://www.alaraby.co.uk/%D8%AA%D8%BA%D9%8A%D9%8A%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%88%D8%AB%D9%8A%D9%8A%D9%86-%D9%85%D9%86%D8%A7%D9%87%D8%AC-%D8%A7%D9%84%D8%AA%D8%A7%D8%B1%D9%8A%D8%AE> (accessed: 16.08.2023).

³ Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. Pp. 124–136.

⁴ Ibid, P. 139.

под британским влиянием. В 1886 г. территории вокруг Адена были разделены на Западный и Восточный протектораты. Аден, захваченный британцами еще в первой половине XIX в., в 1937 г. был объявлен колонией.

В середине XX в. Британия приняла решение объединить султаны Западного протектората в федерацию. В 1959 г. шесть султанатов вошли в Федерацию Арабских Эмиратов Юга, которая позднее была переименована в Федерацию Южной Аравии, а количество вошедших в нее политических единиц, достигло 17, включая Аден.

Хотя уходу британцев из Южной Аравии предшествовало длительное вооруженное противостояние с местными силами¹, а день вывода войск был воспринят многими южанами как большой праздник², сегодня в социальных медиа гораздо чаще встречается образ британской эпохи как времени, когда Аден был важным экономическим центром, куда стекались люди из разных стран, где строились школы, больницы и дороги, развивалось образование и культура. Такое переосмысление отношения к колониальному прошлому находит отражение в анекдотах, например: «Когда южные и восточные провинции обрели независимость, один из жителей Адена как-то сел <...> жевать кат³ поздно вечером, потому что была пятница. Когда стемнело, отключили электричество, и у него испортилось настроение. Он посмотрел на лампочку и сказал: «Слушай, сукина дочь, во время презренного колониализма ты не гасла ни на минуту»⁴.

Как сказала одна из информанток, «у нас все было хорошо. Да, правили христиане, но они, по крайней мере, строили и развивали его [Аден]. Люди жили все вместе и хорошо, и все стоило дешево. А сейчас правят мусульмане и относятся к нам как к евреям»⁵.

Другой собеседник процитировал по этому поводу бейт из стихотворения, которое приписывают Али ибн Аби Талибу: «*Был день, от которого я плакал, но когда наступил другой день, я плакал уже по нему*», а затем пояснил: «*Страдания в скверном настоящем заставляют тебя тосковать о менее скверном прошлом*».

М. Суворов, анализируя тему колониальной ностальгии в романах аденских авторов, выделяет два основных фактора, утрата которых заставляет их тосковать: экономическое процветание Адена и мирное

¹ Подробнее см., например, сборник *Britain's Departure From Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster*. Ed. by N. Brehony and C. Jones. Berlin: Gerlach Press, 2020.

² *Holt M. Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden*, P. 108.

³ Кат — растение, обладающее легким наркотическим действием. Жевание ката широко распространено среди жителей Йемена.

⁴ *Dimāj Amin Ahmad Māni'. Nawādir yamanīyya. [Yemeni Anecdotes]*. San'aā: Markaz 'Ibādī li-d-dirāsāt wa-n-nashr, 1426 h/2005 m., §. 137.

⁵ Здесь и далее все цитаты из ПМА (полевых материалов автора) выделены курсивом.

существование представителей разных культур¹. Пользователи социальных медиа продолжают список и добавляют к нему стабильность, безопасность, свободу и достоинство, а также «чистоту сердец».

Хотя эти настроения очень распространены, было бы неправильно не упомянуть, что не все их разделяют. Сохраняется и такая точка зрения: *«Британские колонии. Конечно, они делали красивым место, где живут и от ограбления которого получают выгоду. Что касается остальной Адена, то где британцев не было, там была разруха»*².

Критике подвергаются не только сами британцы, но и те, кто идеализирует времена британского присутствия в Адене. Один из информантов в связи с этим заметил, что причина популярности таких настроений — «культурное низкопоклонство» (араб. *'uqdat al-khawāja*), когда среди арабов все иностранное и особенно западное ценится выше, чем арабское.

Особенностью сообществ в Facebook, посвященных реминисценциям о британском присутствии, является то, что эти сообщества пользуются популярностью не только у южнотиморских пользователей, но и у британцев. Как правило, это пожилые мужчины, которые либо проходили военную службу или работали в Адене до 1967 г., либо жили там в детстве с родителями. Вместе с южанами они обсуждают, где находится то или иное место на старой фотографии, опубликованной в соответствующем сообществе, предполагают, что там было раньше, интересуются, как оно выглядит сейчас, и в целом делятся своими воспоминаниями о времени в Адене и чувствами по поводу ушедшего прошлого.

Образ Прекрасной Эпохи

Участники аденских сообществ в Facebook ностальгируют не только по эпохе британского присутствия, но и по социалистическому периоду: *«Скучаем по дням русских, потому что это дни, когда все было хорошо: работа, порядок, образование. Во время Южного государства³ была безопасность в Адене лучше»*.

Однако сравним две цитаты информантов, которые письменно отвечали на вопрос о причине популярности ностальгических настроений на Юге Аравии.

Первый сразу говорит об эпохе британского присутствия, хотя в формулировке вопроса не было упоминаний о конкретном историческом

¹ Suvorov M. N. The Colony of Aden in Post-Colonial Yemeni Novel. P. 48.

² Tareq Hatem. Пост в Facebook: 2 августа 2023. [Electronic resource] // URL: https://www.facebook.com/tareq.hatem.3/posts/pfbid0qB1v8sLqZAkCGnuYSRCUif5BitFzH1oESjTdpsphMuj62tSLvMTRDUiHuNkRQx6bl?comment_id=298321142752957&locale=ar_AR (accessed: 16.08.2023).

³ Имеется в виду Народная Демократическая Республика Йемен.

периоде: *«Несмотря на то, что англичанин — оккупант, но Аден был [при нем. — Примеч. авт.] образцом чистоты, порядка и ответственности. В отличие от того, что творится сейчас из-за бессовестных властей».*

Второй информант, который отвечал на этот же вопрос, пишет: *«Даже если этот марксистский режим допускал ошибки, при нем Юг был государством, где был порядок, законы, культура, наука и так далее. Со дня злополучного объединения все изменилось».*

Таким образом, ностальгические настроения могут фокусироваться на периоде до 1967 г. или после, но объяснение этих настроений одинаково. И в этом смысле не важно, по какому именно периоду истории испытывают ностальгию южане: это тоска по абстрактному прошлому, где все было лучше, чем сейчас. Хорошей иллюстрацией к этому тезису может быть TikTok-видео, автор которого собрал в один ролик самые разные фотографии, где рядом стоят кадры с антибританских демонстраций и работы британского фотографа 1930-х гг., дети в красных галстуках и Церковь Святого Франциска Ассизского. Фотографии сопровождается печальная песня, которая начинается словами «Однажды мы вернемся».

Комментарии к постам со старыми фотографиями Адена чаще всего довольно однообразны и повторяют друг друга от публикации к публикации: «Прекрасное время», «Единственный народ, чье прошлое прекраснее, чем настоящее», «Какими мы были и какими стали». Как в постах и комментариях, так и в беседах со мной южане обходились общими формулировками, которые не выделяют британцев или НДРЙ.

Так, один из информантов, аденец с корнями из Хадрамаута и активный участник группы «Аден — прекрасное время» (*Adan al-zaman al-jamil*), родился в первые годы существования НРДЙ, поэтому в начале интервью он тепло отзывается об этом периоде, рассказывает о своей работе с советскими специалистами. Однако затем он говорит и о времени британского присутствия, в котором он не жил, но слышал о нем от старших родственников и знакомых. И дальше говорит уже о «прекрасном прошлом» в целом, не разделяя британский и социалистический период НДРЙ. Например, он комментирует популярность старых фотографий Адена следующим образом: *«Фотографии Адена показывают историю и культуру Адена. Народ Государства Юга (dawlat al-janūb) образован и обладает свободой во всем. Со дня подписания договора о единстве с Севером, Аден все потерял (rāh kull shay' fi 'adan)».*

Другой аденец подчеркивает: *«Аденец не стремится к какой-либо конкретной власти, он не принадлежит партии или иностранному государству, а лишь земле Адена. Аденец — человек, любящий порядок и закон, культурный и образованный человек. Он привык к определенной*

последовательности в работе, он воспитан уважать других людей, воспитан уважать культурное и религиозное разнообразие и жить рядом с другими в любви. Внезапно этот образ рухнул после нападения невежественной и отсталой орды, разрушения всего и уничтожения всего прекрасного, чем жил аденец. Поэтому он тоскует по определенному положению вещей, а не по конкретным людям, партиям или властям».

Как мы видим в примерах выше, ностальгия не направлена на конкретный период, это ностальгия по прошлому в целом. При этом основным мотивом ностальгического нарратива становится артикуляция утраты: «Со дня злополучного объединения все изменилось», «Аден все потерял», «Этот образ рухнул».

При этом дискурс утраты становится важным элементом самоидентификации: аденцы осознают себя южанами во многом через эмоциональное отношение к своему прошлому. Как замечает Н. Бреони, «Южная идентичность была сформирована историей Юга до 1967 г., периодом существования Юга как независимого государства (1967–90) и верой в то, что режим Салеха после 1990 злоупотребил соглашениями о единстве, чтобы утвердить северное господство и эксплуатацию юга»¹.

Прошлое становится не просто предметом гордости, через воспоминания о британских и социалистических временах поддерживается образ Адена как города, где многое было «лучшим», «первым», «самым большим», «самым прогрессивным», и, таким образом, утраченное остается частью идентичности южан сегодня. Аденцы подчеркивают уникальность своего исторического опыта и делятся старыми фотографиями с соответствующими подписями: «Улица Мадрам считалась самой длинной улицей на Ближнем Востоке»; «“Нади ат-Тияль” — первый арабский клуб на Аравийском полуострове, основан в 1905 г.»; «Поезд в Адене в 1920 г. из Кратера в аль-Тавахи»²; «Аэропорт Адена в 1962 г. соревновался с аэропортом Токио по количеству полетов».

Время от времени в аденских сообществах в Facebook появляются посты, где перечисляется, какие заводы были закрыты в Адене после объединения. В этом списке оказался, помимо прочего, пивной завод «Сира». Он работал еще несколько лет после создания Йеменской Республики, хотя это становилось все труднее: работники пивного завода подвергались сильному осуждению. Менеджер завода Э. Зитцман рассказывал в интервью газете Los Angeles Times, что «семьи не стирают вместе одежду, а мужчинам трудно найти невест...», добавив, что один мужчина был вынужден поехать в Алжир, чтобы найти жену³. Наконец под

¹ Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. P. 124.

² Кратер и ал-Тавахи — районы Адена.

³ Werr P. South Yemen's Only Brewery Stays in Business Despite Islamic Distaste for Alcohol // Los Angeles Times. June 17. 1990. [Electronic resource] // URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1990-06-17-mn-163-story.html> (accessed: 15.07.2023).

давлением со стороны консервативных представителей власти в 1994 г. Али Салем ал-Бейд издал указ о закрытии завода.

Через 20 лет фотографии этикеток пива «Сира» широко разошлись по южноаравийским аккаунтам и вызвали бурную реакцию у аденских пользователей: *«По крайней мере, пивоварня милосерднее, чем те, кто делает алкоголь в сомнительных кварталах Саны»*¹.

Комментаторы в основном сходятся во мнении о глупости и лицемерии северян, которые закрыли пивоварню под предлогом того, что ислам запрещает опьяняющие и одурманивающие вещества, но при этом не запрещают употребление ката и не могут справиться с контрабандой алкоголя, а то и поощряют ее: *«Даже за запрещенное с нами боролись»; «Они перенесли его на Север, в Сану»; «И стали покупать контрабанду»; «В чем разница между ним [пивом] и катом? Пиво добывают из ячменя, вино из винограда, а йеменец съедает куст целиком»*².

То есть кроме образа утраченного прошлого как такового, важную роль в ностальгическом нарративе играет противопоставление цивилизованности аденцев и отсталости и глупости северян. На этом противопоставлении во многом строится южная современная идентичность.

Очень лаконично эту идею выразил автор комментария к Национальному музею Адена на Google-картах: *«Не знаю, что там, но это Южное, Южное, а не Дахбаши, да покинет их Бог»*. Словом «дахбаши» южане насмешливо или презрительно называют жителей Северного Йемена, которые, по их мнению, похожи на Дахбаша, карикатурного персонажа йеменского сериала начала 1990-х гг.³

Заключение

Ностальгические настроения развиваются в контексте недовольства настоящим, но не сводятся к нему. Так, на Юге Аравии ностальгия привносит новые элементы в местную идентичность. Популярность ностальгических настроений сами южане объясняют тем, что они *«единственные, чье прошлое лучше, чем настоящее»*. Через уникализацию своего исторического опыта аденцы противопоставляют себя остальному миру и очерчивают границы своего сообщества.

¹ Fahd Ahmed. Комментарий к посту в Facebook в сообществе Aden City: 23 декабря 2012. [Electronic resource] // URL: https://www.facebook.com/aden.city/photos/a.179051497627/10151358639547628?comment_id=10151361694007628&locale=ar_AR (accessed:16.08.2023).

² Tareq Hatem. Пост в Facebook: 29 апреля 2023. [Electronic resource] // URL: https://www.facebook.com/tareq.hatem.3/posts/pfbid02gASppMKHZ4wW3nL7hWfmg9PsbExUfwAzXJUeEnqnVQ2as18pVWiqrfKGbgt6HFaRI?locale=ar_AR (accessed:16.08.2023).

³ Слепухина О. П. Этнополитическая идентификация в социальных медиа на Юге Аравии // Кунсткамера. 2023. № 2(20). С. 147.

Кроме того, тоска по прошлому дает толчок к его переосмыслению: два основных периода, к которым апеллируют ностальгирующие южане, — это британское присутствие до 1967 г. и время существования НДРЙ (1967–1990). Хотя некоторые пользователи соцмедиа делают акцент на какой-то один из этих периодов, в восприятии многих из них прошлое сливается в один образ «Прекрасной Эпохи», когда южане ощущали стабильность и безопасность, были свидетелями технического прогресса и экономического развития, имели доступ к образованию и жили в мире и согласии. При этом зачастую негативные стороны тех периодов опускаются как незначимые по сравнению с теми факторами, которые перечислены выше.

Ностальгия строится на чувстве утраты, но этот образ утраты на самом деле помогает проживать настоящее: кому-то он помогает чувствовать достоинство и гордость за свое прошлое (или по крайней мере удовлетворенность его образом), для других превращается в аргумент о лучшем будущем: люди с таким прошлым достойны хорошего будущего.

Кроме того, важным элементом идентичности южан является противопоставление себя стереотипному северянину, неотесанному и полуграмотному «Дахбаши». Такое противопоставление во многом возможно благодаря поддержанию ностальгического образа образованного и культурного жителя экономически развитого города, где в мире и согласии жили представители разных народов.

Ф. Дэвис полагает, что ностальгия гораздо больше говорит о современном контексте, чем о прошлом, и «тесно связана с пониманием того, кто мы такие, что мы собой представляем, и <...> куда мы идем»¹. Так, для аденцев ностальгия по эпохе британского присутствия и социалистическим временам становится пространством для создания новых элементов своей идентичности, ведь представление о себе формируется благодаря сравнению себя с Другим, будь то противопоставление себя остальному миру, сравнение себя с северянами или сопоставление с самим собой в прошлом.

Литература

Слепухина О. П. Этнополитическая идентификация в социальных медиа на Юге Аравии // Кунсткамера. 2023. № 2(20). С. 144–152.

Angé O., Berliner D. Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia. Introduction. Anthropology and Nostalgia. Ed. by Angé O.; Berliner D. New York, Oxford: Berghahn, 2015. Pp. 1–15.

¹ Davis F. Yearning for yesterday. A Sociology of Nostalgia. P. 31.

Brehony N. The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. *Why Yemen Matters: A Society in Transition*. Ed. by Helen Lackner. London: Saqi in Association with London Middle East Institute, SOAS and British-Yemeni Society. 2014. Pp. 123–141.

Britain's Departure From Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster. Ed. by N. Brehony and C. Jones. Berlin: Gerlach Press, 2020. 214 p.

Dahlgren S. The Southern Movement in Yemen. // *Isim Review*. 2008. No. 22(1), 2008. Pp. 50–51.

Davis F. Yearning for yesterday. *A Sociology of Nostalgia*. New York: The Free Press, 1979. 146 p.

Davis K. A. From Collective Memory to Nationalism: Historical Remembrance in Aden. A Thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts in Arab Studies. Washington, DC April 31, 2014 (MS). 108 p.

Dimāj Amīn Aḥmad Mānī'. Nawādir yamanīyya. San'a'a: Markaz 'Ibādī li-d-dirāsāt wa-n-nashr, 1426 h / 2005 m. 142 s.

Holt M. Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden. *Contemporary British History*. 2004, Vol. 18, No. 4. Pp. 93–112.

Lackner H. South Yemen after the British. *Britain's Departure From Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster*. Ed. by N. Brehony and C. Jones. Berlin: Gerlach Press. 2020. Pp. 185–200.

Suvorov M. N. The Colony of Aden in Post-Colonial Yemeni Novel. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 32–50.

Tarikh al-'ālam al-ḥadīth wa-l-mu'āshir. Li-ṣ-ṣaff ath-thālith ath-thānawī / D. 'Abd al-Majīd Ghālib al-Makhlāfi ra'īsan. Sana'a: Wizārat at-tarbīyya wa-t-ta'lim, 1435 h./2014 m. 192 s.

Werr P. South Yemen's Only Brewery Stays in Business Despite Islamic Distaste for Alcohol. // *Los Angeles Times*. June 17. 1990.

References

Angé, O., Berliner, D. (2015). Anthropology of Nostalgia — Anthropology as Nostalgia. Introduction. *Anthropology and Nostalgia*. Ed. by Angé O.; Berliner D. New York, Oxford: Berghahn. Pp. 1–15.

Brehony, N. (2014). The Role of the PDRY in Forming a South Yemeni Identity. *Why Yemen Matters: A Society in Transition*. Ed. by Helen Lackner. London: Saqi in Association with London Middle East Institute, SOAS and British-Yemeni Society. Pp. 123–141.

Britain's Departure from Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster (2020). Ed. by Brehony, N. and Jones, C. Berlin: Gerlach Press, 2020. 214 p.

Dahlgren, S. (2008). *The Southern Movement in Yemen*. *Isim Review*. 2008. No. 22 (1). Pp. 50–51.

Davis, F. (1979). *Yearning for yesterday. A Sociology of Nostalgia*. New York: The Free Press. 146 p.

Davis, K. A. (2014). *From Collective Memory to Nationalism: Historical Remembrance in Aden*. A Thesis submitted to the Faculty of the Graduate School of Arts and Sciences of Georgetown University in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts in Arab Studies. Washington, DC April 31 (MS). 108 p.

Dimāj, Amīn Aḥmad Mānī' (1426 h / 2005 m). *Nawādir yamanīyya*. [Yemeni Anecdotes]. San'aā: Markaz 'Ibādī li-d-dirāsāt wa-n-nashr. 142 p.

Holt, M. (2004). Memories of Arabia and Empire: An Oral History of the British in Aden. *Contemporary British History*, Vol. 18. No. 4. Pp. 93–112.

Lackner, H. (2020). South Yemen after the British. *Britain's Departure from Aden and South Arabia. Without Glory but Without Disaster*. Ed. by N. Brehony and C. Jones. Berlin: Gerlach Press, Pp. 185–200.

Slepukhina, O. (2023). Etnopoliticheskaya identifikaciya v socialnyh media na Yuge Aravii [Ethnopolitical Identification on Social Media in South Arabia]. *Kunstkamera*. 2023. No. 2(20), Pp. 144–152.

Suvorov, M. N. (2021) The Colony of Aden in Post-Colonial Yemeni Novel. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, Vol. 13, issue 1. Pp. 32–50.

D. 'Abd al-Majīd Ghālib al-Makhlāfī ra'isan (Ed.). (1435/2014). *Tarīkh al-'ālam al-ḥadīth wa-l-mu'āṣir*. [History of the Modern and Contemporary World. A Handbook for the Third School Year of Yemeni Secondary Schools]. Li-ṣ-ṣaff ath-thālith ath-thānawī. Wizārat at-tarbīyya wa-t-ta'lim. 192 p.

NOSTALGIA IN SOCIAL MEDIA AND THE CONSTRUCTION OF THE “SOUTHERN” IDENTITY OF THE ADENIS

Abstract. Changes in political sentiment among the inhabitants of the former South Yemen, an increase in calls for independence, and rethinking of the Southern identity are accompanied by a rise in nostalgia for the past among the inhabitants of the former South Yemen. Based on the materials collected by the methods of digital ethnography, the article analyzes the role of nostalgic processes in the construction of local identities among Adeni social media users. Nostalgic moods are mainly focused on the time of the British presence (1839–1967) and the existence of the People’s Democratic Republic of Yemen (1967–1990). Through a nostalgic prism, these historical periods are often perceived by the Adenis in the same way and merge into one image of the lost «Belle Epoque», while the socio-political contradictions and economic difficulties that existed back then are being forgotten. The image of the unattainable past becomes a space for the construction of the Southern identity in the present with the Adenis comparing their current reality with bygone times, unqualizing their historical experience and opposing themselves to the inhabitants of North Yemen.

Keywords: Yemen, South Arabia, South Yemen, identity, nostalgia, social media

Olga P. SLEPUKHINA,

research assistant, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences.
(3, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation).
E-mail: olslepukhina@gmail.com

